

Зрительный день

БРАК ПО РАСЧЕТУ

УДАРИЛ голубой луч из окна. Осветился и замерцал экран. По белому потою засверкали мелкие человечки, неподалеку разбежались руки, круги глазами и широко открылся рот, как вспышки.

Действие кинематографа. Ненависть, обхватывающая и непостижимое. Так вдруг открывали бабушки сундуки и со смехом примеряют длинные, до пят платья с пышными рукавами.

Все изменилось. Студия, Камера, Актеры, Режиссеры, Сценарии. Гигантские кинофабрики тутут бесконечные ленты фильмов, которые завораживают мир.

Не изменилось лишь одно: кинотеатр пропускает всплеск, на авансцене, не повзывает — плохое. Пародакс: но, идя на встречу с самым популярным искусством, зритель меняет все осведомлен о том, что он увидит.

Рекламный ролик: «Скорей! Не зряни! И т. д. — и тут различите, как блазонец. Драма, детектив, комедия, выглядят в рекламе одинаково. Рецензии в прессе либо западают, либо слишком торопливы. Радио, телевидение говорят о новых фильмах от случая к случаю.

Если с отчевившимися картинами все-таки легче, то с зарубежными дело совсем плохо. Я помню лица один случай, когда зарубежные фильмы выходили на экраны в разумной последовательности — первым, когда мы познакомились с итальянским неореализмом. Чувство, как снег на голову, немедленно охватывало прокатчиков, случайно выбраный фильм и гулко по экранам, вызывая многое восхищение, в конце недоверие и недоумение. Меньшую в фильмах щеках, фильм беспредметно исчезает. Так быстро, что даже трудно понять, был или не был этот фильм. Вот, например, польский «Пепел и алмаз». Картину, признанную всем миром как выдающуюся. Но чтобы ее понять, необходимо знать трагизм исторической судьбы Польши, всю сложность исторического момента, о котором повествует картина. Появление «Пепла и алмазов» на наших экранах необходимо было предварить рассказом об этом.

То же произошло с фильмами польского режиссера Кавалеровича, с картиной шведа Бергмана. Талантливые, иногда сложные для неподготовленного восприятия фильмы случайно заселяют на экран и тут же исчезают. Такая же судьба постигла и наши «Иваново детство», «Тени забытых предков».

Талант, труд, время многих людей уходит, как вода в песок. В промышленности это называют разбазариванием народных средств. В кинопрокате — «трудами фильма».

Кино — самое массовое искусство. Но мало это констатировать. Это гораздо многое обозначает. Не только авторы фильма, но и тех, кто проводит кинергетическую политику, тех, кто руководит прокатом.

Сильнейший из орудий идеологического фронта, кино порой страстно, неточно, никак не проявляется на экране, не подготавливает успеха. Собранные плавные линии — хороший фильм, но собранные плохой. Но ведь миллионы: миллионы розы. Миллионы «Гамлетов», «Проделки и «Девятки» не ровня миллионы «Человека-амфибии» и тому подобных. Аллюдменты бывают разными, и смех и слезы бывают разными. И нам не должны быть безразличны их причины.

Судьба фильма в прокате — это сложная социальная и экономическая проблема, которой должны заниматься объединения ученых, социологов, психологов, искусствоведов, математиков, экономистов, а не случайные люди, работающие только на волевой сбор.

Представьте себе, что распространением лекарств занимаются практикующие люди, которые покупают только о прибыли. Сколько совершаются непоправимые бед. Но разве оптимисты торговцы кинофильмами не наносят столь же непоправимый вред не физическому, а духовному здоровью зрителя!

Со дня возникновения величайшего кино написаны бесчисленные —

ленивые тома книг о фильмах и их создателях. Но есть ли у нас хоть одна серьезная книга о его языке зрителя?

В спорах с другими музами кино в защиту своего первенства выступает главный аргумент — мнение зрителей. Но в действительности это мало: других знает своего зрителя и это относится к нему чаще всего как к рынку сбыта. Зритель, если о нем и говорят, фигурирует как некий абстрактная единица, на которую удобно ссылаться для доказательства своих личных пристрастий и взоров.

«Зритель не принят, лучше часть зрителей приветствуется, зрителю этого не нравится».

Но ведь нет зрителя вообще. Есть дети, подростки, юноши и студенты, люди зрелые, пожилые, старинные. Есть горожане, есть жители села. Есть люди разных профессий, привычек. Есть бесконечное разнообразие зрителей, запросы которых надо изучать, кропотливо, терпеливо, дощечно, используя самые современные методы науки.

Но, например, всех суммы, обеспокоили ошеломляющим кассовый успех «Великолепной семерки». И не только кассовый. Я видел пленку на студии телевидения, где подростки из трудовых колоний, попавшие туда за уголовные преступления, ссыпались на превозмущенную «Семерку» как на пример для подражания. Фильм подвергся разной критике. Много гневных слов сказано было при этом в адрес зрителей, приведших от «Великолепной семерки» в восхищение.

Но почему не направить мыслы в другую сторону? Не задуматься над тем, почему «Семерка» вызвала столь бурную реакцию? Может быть, в рецепте ленты заложен какой-то секрет сильного воздействия, который можно использовать для нужных нам целей и задач. Ведь даже ядра суммы заставят служить здоровью. Но прессы отделялись возмущенным воскличательными знаками, и только.

Зритель ринулся на боевые, фильмы, говорят журналисты, как монино. Зритель ринется на закорюченное кино. Пошлиость — приговор критиков. Но им слова о том, почему же все-таки зрители рукаются на фильмы? В чем секрет его успеха?

Что, как, где, в какое время, кому показывать? — это важнейшие вопросы, требующие серьезнейшей научной разработки и точных конкретных выводов. Каждая распубликованная, каждый город в республике, каждый район в городе имеет свое зрительское лицо, свой особенный стиль, который необходимо учиться, желая достичь оптимального эстетического и экономического эффекта. Эстетического и экономического — здесь никогда не будет разрыва, если по-настоящему зрителям соперничество невозможно создавать чудесные фантазии на тему: «Ты меня любишь, я тебя любил. Ты меня забыла, я тебе забыл».

Когда говорят об общественной роли кино, то подчеркивают его массовость. Но, оказывается, это качество может иметь и отрицательный оттенок. Кино, призванное к зрителю экономически, больно или невольно ищет подчас самые легкие пути к нему. Этот путь — потакание привычному, устоявшемуся идеалу. Этот путь — поглощивание по голове, склонение обязательных струн души (в они есть почти в каждом). Этот путь — поправки, правдоподобие, создающие киноплюзию жизни.

Но спросите у зрителя, проработали ли он способствовать своей жизненной силе с содержанием кинофильмов, которые он охотно смотрит. Вы услышите в ответ: так же как кино. «Красиво, как в кино», скажут в кино так и бывшие, «это тебе кино» — вот фразы, которые слышны каждый день.

Мне кажется, вполне сформировался некий условный киноязык, из которого киноделы этой раз переносят сюжеты... А наглядность, изложность кинематографа придают ему видимость реальности.

Когда я вижу в глазах приезжих из Центрального дома кино на центральном дне, то я вижу не тем, что там все оказалось хуже или лучше, чем в фильмах о целине, а тем, что

Эти предложения из первых приходящих в голову. Наверняка есть планы остроумнее и основательнее. Но очень важно, чтобы дело сдвинулось с места. Чтобы и создатели фильмов, и работники проката видели перед собой не великую массу ценоплательщиков, а живого, разноцветного зрителя. Чтобы зрители всегда шли не в киношку от ничего делать, а заранее собираясь и внутренне, и внешне, зная куда, зачем он идет и на что может рассчитывать.

Встреча миллионов с искусством

и наукой

и журнальными

и газетами

и журналами

и газетами

и журналами

«МОЖНО НАУЧИТЬСЯ»

НА ЭКРАНЕ цвел яркий, звонкий края. Купались в лучах солнца дома, улицы деревни. А люди, ульбанные и приветливые, были на полном той земной, светлой красоты, которая состоит из чистоты, добрых и доверчивости. Именно этим запомнился нам фильм «Бараки и скрипки», титры которого впервые появились Фанникою Андрея Михалкова-Кончаловского.

Он, первокурский режиссерский факультет ВГИКа, был автором сценария дипломной работы режиссера Андрея Тарновского. Это коме- не ложь, когда ты учишься в консерватории, да еще у Л. Оборина, когда говорят определено и уверенно о твоем таланте, вдруг уйти во ВГИК. Андрей поступил именно так. А музыка? Но ведь знать ее, понимать кинорежиссера просто необходимо. Так же, впрочем, как и сценарного мастерства: уметь писать сценарии — это способность видеть, отбирать главное, интересное, неподготовленное. Словом, это тоже лицо: частичка кинорежиссера. Тот самый сплошной, прозрачный, серебряный и ответственный профессии, который, как много раз говорил руководитель режиссерской мастерской А. Михалков-Кончаловский. Здесь, на съемочной площадке, он входил в режиссуру, и не просто — не в роли советника-собеседника и наблюдателя. В этом фильме есть эпизоды, поставленные А. Михалковым-Кончаловским.

А потом была курсовая работа — «Мальчик и голубь». Чистая, светлая картина — словно легкая, немая мелодия. О доброте, вере и

радости. В 1962 году на Международном кинофестивале короткометражных фильмов в Венеции фильм получил приз бронзового льва со звездой.

Два года ушло на сценарий «Андрей Рублев». Две долгие, беспокойные годы. Книги, в которых можно было отыскать хоть несколько слов об Андрее Рублеве, о временах, в которых он творил. Иконопись в древнейших церквях и соборах. Архитектура.

Само это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес истории, которую мы хотим оживить? — спрашивали они. Мне думается, они напрасно сомневались. Ведь глаза в фильме — мысли, идеи, которые нас волнуют. И неважно вспоминать, что тоже лица: частичка кинорежиссера. Тот самый сплошной, прозрачный, серебряный и ответственный профессии, который, как много раз говорил руководитель режиссерской мастерской А. Михалков-Кончаловский. Именно тем, кто хочет научиться, но можно научиться.

Шли съемки фильма «Иваново детство». В эти дни рядом с режиссером-постановщиком А. Тарновским и оператором В. Юсуповым был высокий, стремительный, бес покойный юноша — студент-практикант ВГИКа А. Михалков-Кончаловский. Здесь, на съемочной площадке, он входил в режиссуру, и не просто — не в роли советника-собеседника и наблюдателя. В этом фильме есть эпизоды, поставленные А. Михалковым-Кончаловским.

А потом была курсовая работа — «Мальчик и голубь». Чистая, светлая картина — словно легкая, немая мелодия. О доброте, вере и

Л. ВАСИЛЕВСКАЯ.

НА КИНОСТУДИЯХ СТРАНЫ



Режиссеры В. Ушков и В. Краснopol'skiy стоят на «Мосфильм» картины «Таинственный драматург». На снимке актеры, занятые в этом фильме, — Н. Басилова и К. Худяков.



На киностудии «Грузия-фильм» закончиваются съемки фильма «Мир без чайки», рассказывающего о благородной работе советских инженеров по борьбе с агентурой иностранных разведок. Сценарий этого фильма написан Юрием Кацтарадзе (он же режиссер фильма), Константином Исаевым и Леваном Алексидзе.

В главной роли фильма снимается молодой грузинский киноактер Мигель Кемередзе.



Г. Тонунц исполнит одну из главных ролей в картине студии «Узбекфильм» «На встречу счастья» (режиссер-постановщик А. Хачатуров).



Авторы сценария фильма «Заговор послов» (Рижская киностудия) М. Мяндарский, Г. Куриланс, Н. Рузанова. Ставят картину режиссер Г. Розанов. На снимке: В. Сокольский в роли Коломанта, П. Савин — Клоненберг. Э. Павлус — Петер.

РАЗГОВОР с крупнейшим советским ученым-математиком, академиком ПАВЛОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ АЛЕКСАНДРОВЫМ начался по-журналистски «банально»: телефонный звонок — корреспондент такого-то из такого-то газеты, просьба передать письма-члебеседе. На тему? «Вообщем» — о культуре, об искусстве, о музыке — обо всем, только не о топологии, которой состояла целая научная деятельность Александрова, но о которой, кроме энциклопедической справки, что это часть геометрии, исследующая свойства формы и взаимного расположения фигур, ничего сказать не могу.

Просьба принять участие в уединении легко и радушно: никаких смыслов на занятость не наводят, на облике забытое и облизанное, как это часто бывает. Однако, что дает моральное право посягнуть на время ученого ряда разговоров «вообщем»? Почему выбрал именно на Павла Сергеевича? Конечно, не случайно: ученым прошлия страстным почтителем и не менее страстным пропагандистом музыкального искусства, организатором циклов концертов грамзаписей, на проведение которых известны во всем мире математиков «плотоядет» на науки и «часы, давы» — шедро разделяет с молодежью свои духовные богатства, научить ее понимать, любить музыку, приобщить к миру прекрасного.

И вот мы беседуем с Павлом Сергеевичем на его земле.

— Вас интересуют мои циклы концертов грамзаписей? Должен сказать, руководят здесь не только моральное право посягнуть на время ученого ряда разговоров «вообщем»? Почему выбрал именно на Павла Сергеевича? Конечно, не случайно: ученым прошлия страстным почтителем и не менее страстным пропагандистом музыкального искусства, организатором циклов концертов грамзаписей, на проведение которых известны во всем мире математиков «плотоядет» на науки и «часы, давы» — шедро разделяет с молодежью свои духовные богатства, научить ее понимать, любить музыку, приобщить к миру прекрасного...

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев». Две долгие, беспокойные годы. Книги, в которых можно было отыскать хоть несколько слов об Андрее Рублеве, о временах, в которых он творил. Иконопись в древнейших церквях и соборах. Архитектура.

Само это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», — рассказывает А. Кончаловский. — Представьте, что для нашего зрителя интерес к истории, которую мы хотим оживить?

— Да, это нужно было найти, узнать и понять — глубоко, основательно, прежде чем появилась эта рукопись «Андрей Рублев» — сценарий А. Михалкова-Кончаловского и А. Тарновского, «у нашего сценария были прототипы», —